

Гениальный Никто

Судьба человека, создавшего этот труд, не вполне обычна для нашей действительности. Необычна и книга.

Анатолий Георгиевич Кифишин — ученый-востоковед. Не покладая сил он трудится в науке вот уже свыше 30 лет. Но ни один его крупный труд по шумерологии не издан. Эта книга — первая. Сейчас автору 63 года.

Анатолий Георгиевич Кифишин родился 2 июня 1935 г. на Алтае в с. Белое Троицкого района, неподалеку от шукшинских краев. Но вскоре семья переехала на Украину и поселилась в г. Дашеве Винницкой области. Мать его, Надежда Евсеевна Лавриненко-Мигулина, украинка, происходила из угасавшего знатного княжеского рода. Отец — из обрусевших греков, о чем свидетельствует фамилия. «Кифишин» — наследник древнего «Кефиса», одной из знаменитых эллинских рек; род его был известен еще во времена Перикла. Говорили, что в начале XIX в., во время турецкой резни, на Украину из Греции вывезли детей из наиболее видных семей. В начале нашего века об этом еще помнили. Какие-то греческие старцы приезжали разыскивать уцелевших сородичей. Они нашли отца Анатолия, Георгия (Юрия) Ивановича, и сказали ему, что его фамилия должна писаться «Кафишин». Позднее Анатолий установил, что так писался «Кефис» на беотийском диалекте.

Беотийцы, соседи афинян, славились в древности своей редкостной глупостью. Это, конечно, всего лишь насмешливый миф, которые так любили в древней Элладе. Но он едва ли приложим к личности Юрия Ивановича. Тот был настоящим самородком. Его трудная, полная драматических извивов судьба вполне достойна романа. Медик по образованию, он обладал во многих сферах жизни редкими познаниями. Страсть к биологии привела его к составлению настоящих научных карточек. Он писал труд о происхождении человека — от питекантропа до неандертальца. Остались тетради с его записями об «истории города Лебедина» — последнего пристанища Кифишиных на Украине, в Сумской области. «История» записана на двух языках — русском и украинском. Кроме них, Юрий Иванович свободно изъяснялся на немецком, румынском, польском. Он воевал в империалистическую войну, имел георгиевские кресты и оружие за храбрость. Затем ушел в монахи. Проведя в монастыре чуть ли не десять лет, вернулся к обычной жизни: директорствовал, преподавал, размышлял о жизни и судьбах мира.

Женился он поздно, уже за сорок, на красивой и кроткой Надежде; она была двадцатью годами моложе его. Ее характер был совсем иным — в ней не было ни ловкости, ни находчивости, ни особого умения налаживать дипломатические отношения с людьми. Она была хорошая мать и хозяйка,

мирная и уживчивая. Преподавала в школе математику. Судьба же Юрия Ивановича осталась индивидуальной, шедшей с жизнью семьи параллельным курсом. Он не был понят окружающими. Его уважали соседи, называя только по имени-отчеству. Но он был словно комета, занесенная в тихий сельский мир из каких-то иных пространств. На фотографиях Юрий Иванович поражает своим необычным видом: высокий, бритый наголо с узкими губами и огромным умным лбом. Он пронзает взглядом окружающих. В глазах горит всепожирающий огонь — признак огромного, не до конца реализованного интеллекта.

Умер Юрий Иванович в 1966 г. на Троицу. Зная, что в праздник нельзя работать, он что-то строгал во дворе и внезапно погиб от удара. Но еще раньше сыну приснился сон: стоит на кладбище надгробный памятник, и на нем — даты жизни и смерти отца. Сон оказался пророческим.

К тому времени Анатолий окончил Черновицкий университет, получив специальность историка. Его оставляли в аспирантуре, но тайной мечтой А. Г. Кифишина была шумерология, которую в Черновцах он освоить не мог. Откуда он узнал о шумерах? Очевидно, из курса древней истории еще в школе, где ему пророчили будущее математика. Шумеры, один из культурнейших народов древности, имели свою письменность — клинописные таблички. К этой письменности и подбирался Анатолий, хотя она давно принадлежала к «мертвым» языкам, как и народ, живший некогда на территории Ирака.

В 1959 г. он поступил на Восточный факультет Ленинградского университета — единственного учреждения в нашей стране, выпускавшего профессионалов-востоковедов. Поскольку у него уже было высшее образование, ему предложили аспирантуру. Но А. Г. Кифишин решил приобрести столичные знания. Он снова стал студентом. Как он учился! Любой профессор мог лишь мечтать о таком ученике. Днем и ночью он сидел не разгибаясь над книгами. Штудировал словари, читал клинописные тексты, составлял картотеки (как прежде его отец). Для него, человека из провинции, посмеявшего вторгнуться в исключительно узкую, элитарную область знания, добрым гением стал академик Василий Васильевич Струве. Распознав в нем незаурядный талант, в высшей степени неординарную личность, а также нечеловеческую страсть к науке, В. В. Струве назвал его «вторым Ломоносовым».

Помогая Анатолию встать на ноги, академик подружился с ним. Каждый день Кифишин провожал В. В. Струве до его дома на бывшей улице Халтурина, ныне снова Миллионной. На этом доме висит памятная табличка, но в квартире, где всегда слышался крик детей и внуков и сушились пеленки, теперь поселилось акционерное общество. Добрый Василий Васильевич! Его деликатность не знала пределов. Когда он вызывал студента к доске, а тот писал явно с ошибками, он говорил: «Все хорошо, голубчик. Только вот вместо этого знака поставьте вон тот, а это слово — перед тем, что у вас, и над этой идеограммой — другой знак. И все будет правильно».

В. В. Струве умер, когда у А. Г. Кифишина была готова диссертация. Вдруг все внезапно и резко изменилось. У каждого Моцарта есть свой Сальери. Реальный Моцарт неповторим, но сколько талантов в мире было погублено злыми завистниками. Вокруг А. Г. Кифишина стала сгущаться атмосфера нетерпимости, травли, интриганства. К тому же, у него не было прописки — этого грозного бича советской жизни. Окончательно переселившись из Ленинграда в Москву, где он окончил аспирантуру при Институте востоковедения АН СССР, он попал в такой же неприятный мир. Было негде жить, и он выстроил в лесу шалаш, в районе станции Перловка по Ярославской дороге.

«Добрые люди» донесли о нем в милицию. Капитан Коробченко предупредил А. Г. Кифишина о невозможности дальнейшего проживания в лесу. Ему было искренне жаль человека, который мог рассчитывать на большее уже благодаря исключительным внешним данным. Анатолий в девятилетнем возрасте стал инвалидом: при взрыве запала мины в марте 1944 г. ему оторвало правую руку и сильно повредило один, и без того плохо видевший, глаз. Но он был высок, строен и необычайно красив: на благородном материнском лице горели огненные глаза отца. И потому капитан предупреждал ученого божжа: «Не попадайся на глаза, пока не истечет мой срок дежурства. Прячься».

Однако в шалаше продолжали собираться книги по шумерологии, египтологии и другим древним культурам, и снова составлялись картотеки, чертились генеалогические карты. Научная жизнь в лесу шла полным ходом.

Этому благословенному времени пришел конец. Появились прописка, дом и семья. Новые обязанности он выполнял так же терпеливо и честно, как и прочие. Но мысль безостановочно работала. Все свободное время Анатолий просиживал в Ленинской библиотеке. Читальный зал № 3, отведенный для гуманитариев, невозможно было представить без А. Г. Кифишина. Верный привычкам, он всегда сидел за одним и тем же столом, на одном и том же месте. Маленького пространства стола, рассчитанного на двоих, ему не хватало, и он занимал стол целиком. Дежурные по залу смотрели на это сквозь пальцы, но одна, как цербер, постоянно вцеплялась в него, управляя на целый день настроение.

Зато вечером, когда народ рассеивался, можно было наблюдать странную картину: целиком погруженный в какие-то исследования молодой человек в очках, затем уже мужчина с ослепительной прядью в черных волосах, а затем и седовласый джентльмен — разворачивает по всему ряду, по всем стоящим на нем столам огромные, бесконечные свитки с рядами каких-то формул, написанных на непонятном языке.

Многих снедало любопытство. Они искали людей, с которыми загадочный человек иногда разговаривал, и вопрошали: кто это? И слышали в ответ: никто. Действительно, он был никем. У него не было постоянного места работы, не было карьеры, нужных связей, абсолютно отсутствовали дипломатические способности. А. Г. Кифишин не был груб. Напротив, он

был и остается младенчески доверчив к людям, в которых не умеет разбираться. Но наука для него — святое, в науке он нетерпим: невеждам говорил, что они невежды, компиляторам, — что они компиляторы, конъюнктурищикам, — что они конъюнктуристики. В этом он никогда не ошибался — научное чутье у него совершенно гениальное.

В 1970 г. он закончил свой рукописный труд «История Шумера». Работа основана только на письменных источниках, без всяких домыслов. А. Г. Кифишин вообще не склонен считаться с авторитетами. Он идет от древних текстов и воссоздает такую картину, какая следует из их разбора, даже если результат шокирует. Многих это раздражает. Но у него есть свои незыблемые столпы и авторитеты, которых он ценит за талант и научную честность. В шумерологии это Франсуа Торо-Данжен, Арно Пёбель, Адам Фалькенштейн, Вольфрам фон Зоден, Антон Даймель, Морис Ламбер. А. Г. Кифишин прекрасно знает научную литературу и удивительно ориентируется в ней. В считанные минуты, ведомый сверхинтуицией, он находит нужную ссылку или искомый пассаж.

Его научный поиск все дальше уходил в ритуалистику. Такой науки еще не существует. Она противоречит позитивистским устоям современных историков. Ее не принимают и сейчас — ведь научные тезисы до сих пор, как при родовом страсе, принимаются большинством голосов. А если большинство неправо? Или некомпетентно? Или зависит от одного, почти таевого великим и непререкаемым, «вождя»? Тем более ритуалистику не принимали десятилетия назад. Казалось кощунственным заниматься такой галиматъей, когда перед советской наукой стояли глобальные проблемы востоковедения: рабство в древнем мире, азиатский способ производства или постоянно ценимые «социальные отношения». Описание обрядов — еще туда-сюда, но — ритуалистика? Геноструктура мифов?

Ему не давали печататься. Даже скромные статьи в популярных журналах подвергались строжайшей цензуре. В связи с ними возникали всяческие малоприятные истории, отнявшие в конечном счете немалую часть жизни. «Вождь востоковедения» велел «держаться и не пущать» А. Г. Кифишина и другого изгоя, его приятеля В. А. Белявского, давно покойного, сумевшего опубликовать лишь одну небольшую книжку «Вавилон легендарный и Вавилон исторический». Окончил свои дни ассириолог Белявский в качестве сторожа.

Итак, короткие годы официальной службы сменялись длинными годами безработицы. Однако научная работа не прерывалась ни на миг. Но и здесь было немало унижений. Прописка есть, но нет официального места службы. А значит, невозможно получить или продлить билет в читальный зал. Приходилось искать каких-то людей, кто мог ходатайствовать, чтобы А. Г. Кифишину дали пропуск в библиотеку. Это еще один позор советской жизни. Могли ходить те, кому читать совсем не нужно, кто исписывает непристойностями стены и двери в туалетах, кто крадет и портит книги. Но ученый мог войти лишь по большому благу.

Но чем же жил А. Г. Кифишин эти годы? Его и всю семью из троих детей кормила мать. С весны по осень Надежда Евсеевна уезжала в Лебедин, выращивала там цветы. Одного сорта — гладиолусы. Она в них вкладывала душу, ухаживала, как за детьми, и выводила новые сорта. В одноэтажном Лебедине цветы не редкость, но их охотно покупали. Заработанные деньги шли на пропитание и на науку — ксерокопии книг, фотокопии иллюстраций, бумагу. Вещи семью не волновали: сын ходил в одном костюме, мать — в вельветовом халате, к концу жизни сотканном из сплошных заплат. Не будет преувеличением сказать, что жизнь А. Г. Кифишина была немыслима без матери. Надежда Евсеевна со времени смерти (при родах) дочери Людмилы все заботы перенесла на сына. Она кормила, она безмолвно, кротко поддерживала его во всем. Она клеила египетскую иероглифическую картошку, помогала составлять шумеро-вавилонские словари. Это была единственная в своем роде мать — замкнутая, безропотная, по первому желанию исполнявшая волю сына. Она загадочно погибла ранним утром 23 марта 1991 г. в подъезде собственного дома. Садившийся в поезд, чтобы ехать на поминки тещи, А. Г. Кифишин услышал в вокзальном репродукторе свою фамилию.

Анатолий Георгиевич вышел из поезда, уложил мать в цинковый гроб и повез ее хоронить в Лебедин, рядом с отцом. Так закончилась эта редкостная поэма глубокой любви, абсолютного доверия друг к другу — матери и сына. Он называл ее только на Вы: «Вы, мама». Вся ее жизнь ушла на служенье ему, и кто знает, может быть, он бы не дожил до этих дней: не раз отказывала нога, и он — это была трагедия — не мог дойти до Ленинской библиотеки. Так закончилось и его расставание с родителями, которым он обязан не только рождением, но и своей судьбой, своей наукой. Вот почему именно им посвящается эта книга.

Анатолий Георгиевич работал неподолгу в Институте востоковедения, в Институте философии. Его отовсюду выдворяли, чтобы не нарушал стройности рядов. Мысль о самоубийстве ему была принципиально чужда, но гораздо страшнее было посетившее его однажды желание покончить с шумерами. Он серьезно подумывал об изготовлении глиняных табличек, на которых бы шумерской клинописью была изложена судьба его науки. Таблички он собирался обжечь и закопать глубоко в сырой земле. Кто-нибудь через сотни лет нашел бы их. Это был его единственный протест против жизни, в которой для него не оставалось места. Что мог предпринять еще ученый без связей и средств — инвалид без руки и почти совершенно слепой?

Однако всегда находились люди, способные поддержать изгоев. Настоящий подвиг духа совершил в свое время антиковед Сергей Львович Утченко, главный редактор журнала «Вестник древней истории». Он осмелился опубликовать возражения А. Г. Кифишина «вождю». Это дорого ему обошлось. Но спасает вера, что ни одно справедливое деяние не будет забыто Богом.

Долгие годы, почти до самой смерти, верной опорой ему служил благороднейший Дмитрий Григорьевич Редер. Они дружили несмотря на разницу в возрасте. Известный востоковед Д. Г. Редер постоянно обсуждал с А. Г. Кифишиным всевозможные научные проблемы. Он давал ему для работы, а иногда насовсем, и самому подаренные книги. Помогал сличать международные переводы шумеро-вавилонских поэм. Принимал в своем доме и даже собирался оформить на него завещание. Он оставил ему для издания одну очень ценную рукопись, срок публикации которой, возможно, еще не пришел.

В 1987 г. профессор А. Н. Никонов предложил написать статью «Шумерская космогоника», которую должны были опубликовать в Москве. Эта статья в пять страниц — маленькая жемчужина, в которой шумерское небо впервые засияло своим дивным мифологическим обликом. А. Н. Никонова уже нет в живых, статья не вышла. И все же глубоко тронуло участие старого именитого профессора в чужой судьбе. Он протянул руку, когда все боялись.

Все трудные годы рядом с ним были друзья-ученые: математик и историк Ахмат Николаевич Карсанов, археолог и этнограф Эммануил Абрамович Рикман, строитель мостов Евгений Львович Крамер, программист Валентин Семенович Лаврѐнов, специалист по сельскому хозяйству Юрий Александрович Щербаков, математик Петр Яковлевич Отрошевский, ракетостроитель Николай Васильевич Абросимов. Было и много других, которых здесь можно помянуть с благодарностью лишь мысленно.

К началу 1990-х гг. в научном досье А. Г. Кифишина числился ряд рукописных работ — о шумеро-вавилонском первосимволе, о шумеро-вавилонской эстетике, о ритуальных системах «А» и «Б», о сакральной топографии шумеро-вавилонского храма. Но самой любимой и выстраданной был «Русский народный календарь» (200 авторских листов), в котором по типу антологии были скомпонованы материалы обрядов, мифов, ритуалов. Книга включала четыре больших тома. Ее собиралось опубликовать издательство «Вся Москва», но, увы, его существование прекратилось.

Особое внимание он уделял переводу шумерских поэм. Всех их переведено сейчас 39. Каждый перевод — это больше, чем докторская диссертация. Он предполагает погружение в языковой, фонетический и смысловой лабиринт древнего сочинителя, восстановление неясных и даже недоступных для современного сознания связей. А. Г. Кифишин не признает популярных переводов поэм И. М. Дьяконова. Он считает их модернизацией, подгонкой под современный язык и психологию. Его собственные переводы трудно признать изящными. Порой они выглядят неуклюже. Читая их, невозможно воскликнуть: «Ах, как хорошо и верно писали шумерские поэты!» Но, преодолев наружный барьер отчуждения, начинаешь погружаться в сложный мир, полный загадок и тайн, насыщенный магическими формулами и некоторыми, сейчас совершенно непонятными, предложениями. Такой текст невозможно читать без детальных комментариев. Но он приоткрывает путь в неведомый мир.

Одну поэму А. Г. Кифишин переводит, разумеется с интервалами, вот уже тридцать лет. Это очень сложная по языку «Хвалебная песнь о построении храма Нингирсу» (Цилиндры А и В Гудеа, правителя города Лагаша, положенные в фундамент храма при его закладке). Уже в студенческое и аспирантское время перевод А. Г. Кифишина считался образцовым. Но многое было пересмотрено впоследствии. Недавно этот перевод — первый на русском языке — увидел свет в сборнике «Введение в храм».

В течение многих лет А. Г. Кифишин составлял генокарты разных мифических династий — не только шумерских и ассиро-вавилонских, но и египетских, еврейских, греческих, иранских, индийских, германских, ирландских и т. п. С их помощью он пытался выявить геноструктуру мифа. Геноструктура — это структура рода, его основной стержень и костяк. Определив место того или иного персонажа в генетической системе и проследив его внутренние связи, можно найти соответствия данному ритуальному узлу в других «национальных» системах. Так, возможна корреляция между генокартами древних греков, египтян и шумеров. Глубинное соответствие их в этом плане позволяет думать об изначальном родстве этих народов, возможно, некогда живших на общей территории. Начинается поиск такой территории, на которой, например, какой-либо топоним (имя реки и т. д.) имеет древний облик, кодирующий очень давний архаический смысл. Например, украинские реки Кал, Кальник, Кальчик не имеют значащей основы в славянском языке, но прямо передают шумерские: KAL — ‘бык’, ‘душа’. Иногда шумерские основы заменяются иными — хаттскими, греческими и т. д., иногда же они стоят рядом многоцветием этнических пучков: шумерское имя рядом с хаттским и греческим, и все это — в славянском оформлении.

На помощь в изучении таких сложных вещей приходят ритуальные таблицы. Они не имеют ничего общего с изучением конкретных ритуалов — например, праздника Нового года. Они выявляют глубинную, структурно-семантическую суть понятий, которые А. Г. Кифишин группирует по собственным принципам, превращая тексты в почти математические схемы. Его таблицы очень сложные, разноплановые: есть таблицы космономических понятий, есть цветовые кодировки, есть генокарты и т. д. Они непонятны для непосвященных. Но они отлично работают, коль скоро их формулы применимы не только к древневосточному материалу. Мы имели в виду именно эти таблицы (и еще картотеки), говоря о создании А. Г. Кифишиным новой науки — ритуалистики.

Понятие о ней дает его мощная программная статья «Геноструктура догреческого и древнегреческого мифа», опубликованная в сборнике «Образ — смысл в античной культуре» в 1990 г. Даже невооруженному глазу видно, что это отнюдь не рядовая работа, а итог многолетних научных поисков.

Она нарушила почти двадцатилетнее молчание (если не считать очерков о народном календаре, опубликованных в журнале «Свиноводство»). В ней очевидно выявились черты А. Г. Кифишина-ученого. Энциклопедичес-

кие знания, виртуозное владение материалом, строжайшая («ритуалистская») логика и — совершенно новый путь, открытый для других. Известна афористическая классификация ученых: «Одни ломают стены, другие собирают камни». А. Г. Кифишин, несомненно, принадлежит к первым — он никогда не компилирует чужие мысли. Но он не только ломает старые устои. Он создает здание будущей науки.

Последнее обстоятельство связано со специфической формой изложения мыслей. Анатолий Георгиевич, подобно матери, большую часть жизни проводит молча за письменным столом. Но, начиная говорить он не умеет последовательно, связно излагать свои мысли, он горячится, что его не понимают и, пытаясь в чем-то убедить других, не достигает цели. Он не «сказитель» и не умеет интересно рассказывать. Его можно было бы назвать анти-популяризатором. Его захватывающие рассказы способны лишь отпугнуть интересующихся. На них обрушиваются лавины фактов, не связанных никакой видимой последовательностью (она предполагается уже наличествующей в головах слушателей), а также пугающие громады ритуальных систем, смысл которых известен лишь автору. Полемика, искусство убеждения, призвание оратора — чуждые для А. Г. Кифишина сферы. Он мыслит формульно, а не повествовательно. И в этом трудность для его читателей.

В устной речи иногда просто доходит до курьезов — над этим потешался еще Д. Г. Редер. В нашу первую встречу мы долго, путано и сбивчиво говорили о кентаврах и лапифах. При этом Анатолий Георгиевич постоянно говорил вместо «лапифы» — «лафиты», переставляя слоги, занкаясь, но не смущаясь этим обстоятельством. В дальнейшем оказалось, что это происходит часто, а в минуты возбуждения особенно. «Д'Артатьян», «Афродида», «я болею грибом» и прочие перлы отличают его отнюдь не цинцеровскую речь. В этом есть что-то наивное и детское, как и в его любви к космической фантастике, в трогательных отношениях с котом Пиратом.

В 1994 г. жизнь А. Г. Кифишина круто изменилась. Он познакомился с Каменной Могилей. Его к ней привела сама судьба. Но и памятник ждал его — очень долго, как минимум столетие. Шумерское письмо активно расшифровывали уже в конце XIX в., а Каменная Могила все стояла и стояла в ожидании, когда ее посетит хоть один специалист, способный увидеть в ее рисунках древнее письмо. Сделать это было совсем не просто. Но в приазовскую степь прибыл не начинающий студент, а ученый, знающий клинопись фундаментально, имеющий за плечами десятилетия бесперерывного труда.

Надписи на потолках пещер и гротов Каменной Могилы, слившиеся в сложнейшие клубки лигатур, пришлось расчленять на отдельные знаки. Знаки отождествлялись по «Лексикону» А. Даймеля. Конечно, буквально они почти не совпадали, но варианты, особенно повторяющиеся типы, позволяли думать, что «расклейка» знаков произведена верно. Далее отдельные «знаки», напротив, подвергались «склею», но уже по принципу их смысловой связи друг с другом. Тексты стали читаться — конечно, очень

сложно, приблизительно. Они записаны еще очень архаическим письмом — только в отдельных случаях даны падежи склонения имен и времена глаголов. Но все же Каменная Могила «отверзла уста и очи»!

Другое открытие А. Г. Кифишина — «воскрешение» текстов знаменитого Чатал-Гююка, одного из древнейших городов Анатолии. Открытый в 1960-е гг. англичанином Джеймсом Меллаартом, этот комплекс приобрел всемирную известность и сейчас изучается даже в школах. В одном из святилищ полуразрушенная фигура богини, сделанная в рельефе на стене (изображения скалывались после прекращения функций святилищ), сохранила нечто вроде покрывала, которым закрывала свое тело. На покрывале сохранились знаки, не похожие на орнамент. А. Г. Кифишин пришел к мысли, что это письменные знаки. Он подверг их внимательному изучению и тоже прочитал. Они оказались принадлежащими к тому же культурному кругу и даже включали аналогичные формулы, что и на Каменной Могиле.

Кроме того, он нашел еще целый ряд таких «прототекстов», духовно тяготевших все к той же Каменной Могиле. Почему именно к ней? Потому что ее громадный архив — не только надписей на песчаных сводах гротов и пещер, но и собственно на каменных табличках (прототипах глиняных шумерских?) — самый древний в Евразийском ареале. Он датируется не позднее XII тыс. до н. э.

К этим двум открытиям присоединяется третье — ритуальное прочтение топонимической карты современной Украины. Оно дало интереснейшие плоды и будет опубликовано в другом томе.

Книга написана в форме дневника, фиксирующего последовательные этапы дешифровки. Эта форма была предложена автору как наиболее естественная для работы подобного рода. Возможно, кому-то покажется ненужным знать, в какой день, утром или вечером, и в какой последовательности шла дешифровка панно. Однако именно этот аспект представляется важным для будущего. Кто знает, может быть, существует некая метафизическая связь между «временем человека» и «временем памятника», а также «временем мира», и их «встречи» обусловлены некими высшими критериями? Может быть, не случайно, что такой памятник тысячелетия пребывал на Украине, с которой связана судьба А. Г. Кифишина.

К книге приложена масса таблиц — это доказательная часть работы. Любой специалист может увидеть, верно ли возведены протознаки к шумерским образцам и какого происхождения это письмо. Книга снабжена специальными комментариями, в которых отразился многолетний опыт работы автора над проблемой «шумеризма».

Несмотря на ее максимально облегченную форму, это трудная книга. Ее непросто будет читать. Каждый, кто подступится к ней, почувствует себя Тезеем, попавшим в страшный Лабиринт. Единственное утешение — «нить Ариадны» в руках. Этой нитью и является избранный автором метод изложения. Он еще не ведет к открытию тайны памятника. Но он указывает путь.

С конца XIX в. ученый мир стал чрезвычайно осторожен с проблемами открытий. Нашедшего Троя Г. Шлимана больше века подозревали в разного рода подтасовках и мошенничествах. И в том, что его город — Троя, убеждены далеко не все. Открывшего Кносский дворец А. Эванса упрекали в том, что он стал восстанавливать руины, искажив тем самым (никому не ведомый) первичный образ древнего сооружения. Кроме того, А. Эванс почти на полвека задержал дешифровку линейного письма из кносского архива, не давая его публиковать и уповая на собственные силы. О Каменной Могиле будут говорить тоже, что это не письмо, а если и письмо, то вовсе не шумерское (а неизвестно какое), а если и шумерское, то вовсе не столь древнее, как думает А. Г. Кифишин. Пройдет еще много лет, пока будет принято это открытие. Наверное, оно все же гениальное — хотя не хочется здесь громких слов — поскольку заставит по-новому взглянуть на всю нашу древнюю историю.

Любая попытка прорыва к прошлому, к установлению духовного контакта с ним имеет огромную созидательную силу. «Тени забытых предков», как назвал их И. Франко, не перестанут тревожить нас. Как они жили? К чему стремились? Чего достигли?

Хотелось бы находить в далеком прошлом только картины раиского блаженства и «золотого века». Но открытые А. Г. Кифишиным тексты, в основном ритуального характера, говорят о «судах», «смерти», «возрождении». Само имя памятника — Каменная Могила — сохранило мрачный аспект древнейшей жизни. Наверное, и нашим предкам в поисках истины приходилось мучительно нести свой крест. И все же — они не пропали без вести. Их голос оказался услышан.

Л. И. Акимова

Декабрь 1996 г., апрель 1999 г.